

ющая сирскому саксонская фразеологія въ „торжественномъ„ библейскомъ стилѣ; 3) для собственныхъ именъ правописа- нія англійской библии, но въ соотвѣтствіи съ подлинникомъ (почему Messiah = Meshiha, а не Christ, Simon = Shemum, а не Peter); 4) специальные термины передаются не транскрибировано, а съ перетолмаченіемъ на англійскій языкъ (напр., Legate—посланникъ—вм. Apostle, Vivifier—оживотворитель— вм. Saviour—Спаситель) — пунктъ, безусловно и всячески ложный, ибо эти termini technici ничуть не уступаютъ помин. прогр.; 5) сирскіе ідіомы передаются соотвѣтствен- ными англійскими словами и фразами (напр., „лицепріятники“ преобразуется въ „лицемѣры“), что выдерживается у Мур- дока слишкомъ строго и иногда въ ущербъ оригинальности текста, гдѣ мысль выражена и достаточно ясно и — часто — выпукло.

Построенный на этихъ началахъ, переводъ Мурдока отличается и большею выдержанностію и значительною точ- ностію, хотя во второмъ отношеніи можно бы пожелать иногда большей буквальности, иногда большей свободы, какъ и умноженіе скудныхъ примѣчаній было бы крайне полезно; поэтому здѣсь не менѣе повинны и издатели. Равнымъ обра- зомъ сирскій подлинникъ приводится не въ достаточномъ количествѣ, ибо тутъ Мурдокъ ограничивается преимуще- ственно собственными именами и техническими терминами. Но во всякомъ случаѣ его трудъ много выше однороднаго перевода J. W. Etheridge („A literal Translation of the Four Gospel, from the Peshitto“ и „The Apostolical Acts and Epistles, from the Peshitto“) и въ англоязычной литературѣ постоянно встрѣчалъ похвальные отзывы (напр., Харвард- скаго проф. С. Н. Тоу) въ качествѣ цѣннаго пособія въ дѣлѣ изученія Новаго Завѣта. Такимъ же онъ останется и для русскихъ (богослововъ), знающихъ англійскій языкъ, а ихъ — надѣмся — не мало даже и за стѣнами нашихъ Академій.

Январь 1896 г.

Н. В.

Поповъ Иванъ. Естественный нравственный за- конъ. Психологическія основы нравственности. Сер- гіевъ Посадъ. 1897 г. I—XIX + 1 — 595.

Г. И. В. Поповъ взялъ на себя трудъ изслѣдовать въ высшей степени интересный и важный вопросъ о психологическихъ основахъ нравственности: „въ какихъ свойствахъ человѣче- ской природы коренится естественный нравственный законъ, понимаемый въ смыслѣ внутренняго побужденія къ добру, въ чемъ состоятъ его психологическія основы?“

Вопросъ рѣшается авторомъ въ *пяти главахъ*. Имѣя въ виду, что „можно сдѣлать четыре попытки выясненія психо-

логических основ нравственности: можно попытаться объяснить ее 1) из эгоистического чувства удовольствия, 2) из чувств безкорыстных, 3) при помощи формальных нравственных понятий и 4) при помощи анализа содержания нравственных требований“; затѣмъ принявъ въ соображеніе, что „первая попытка сдѣлана утилитаризмомъ, вторая—нравственными системами безкорыстныхъ чувствъ, третья — Кантомъ, а четвертая Гербартомъ, критической оцѣнкѣ этихъ попытокъ, „выдѣленію изъ нихъ цѣннаго элемента и устраненію ошибочныхъ утвержденій“ г. Поповъ и удѣляетъ двѣ трети своей книги. Въ частности, въ *первой главѣ* (стр. 1—169) рѣчь идетъ объ *утилитаризмѣ*: указывается „методъ утилитаризма“ и предлагается „критическая его оцѣнка“, излагаются и оцѣниваются: „нравственное ученіе Бентама, нравственное ученіе Милля и эволюціонная теорія морали“, послѣ чего, наконецъ, оттъняется „отношеніе христіанства къ утилитаризму“ и перечисляются „итоги критики утилитаризма“. *Вторая глава* посвящена „морали безкорыстныхъ чувствъ“ (стр. 170—301). Здѣсь дается „анализъ понятія совѣсти“, выясняются: „мораль склонностей (ученіе Кирхмана и Шопенгауэра) и этика нравственныхъ чувствованій (ученіе Шафтсбуря и Гутчерона)“, при чемъ изложеніе этихъ ученій сопровождается критическою ихъ оцѣнкою, затѣмъ раскрывается „ученіе св. Церкви о главномъ началѣ нравственности“ и, наконецъ, приводятся „итоги критики морали безкорыстныхъ чувствъ“. *Третья глава* (стр. 302—401) содержитъ въ себѣ изложеніе и критическій разборъ *ученій Канта и Гегарта*, въ заключеніе къ чему въ ней предлагаются по обычаю „итоги критики“ разсмотрѣнныхъ воззрѣній того и другого мыслителя. Въ четвертой и пятой главахъ „изложено собственное“ г. Попова „рѣшеніе вопроса, опирающееся на предыдущее критическое изслѣдованіе“. Въ частности, въ *четвертой главѣ* (стр. 402—458) выясняется „основной идеаль нравственности“, а въ *пятой* (стр. 459—595) — „происхожденіе нравственныхъ чувствованій и нравственныхъ понятій“. Остальные страницы (595—597) содержатъ *заключеніе* къ изслѣдованію. Последнее слово автора — то, что „нравственность не есть случайная черта въ человѣческой природѣ, которая можетъ и не принадлежать ей; она не есть простой продуктъ борьбы за существованіе и столкновенія эгоизмовъ (!?); она имѣетъ свою основу въ самомъ коренномъ законѣ духовной жизни и служитъ выраженіемъ творческихъ способностей человѣка и его власти надъ природой“.

Имѣя въ виду при случаѣ подробно поговорить о нѣкоторыхъ оригинальныхъ взглядахъ и соображеніяхъ автора, въ настоящей краткой библиографической замѣткѣ скажемъ только слѣдующее.

Почтенный авторъ отнесся къ своему дѣлу съ большимъ вниманіемъ, съ огромною заботливостью. Имъ потрачено

весьма много труда на изученіе всѣхъ подробностей взятой на себя задачи. Авторъ не утратилъ ожидавшихъ его затрудненій. При своемъ трудолюбіи, обладая несомнѣнно талантливымъ умомъ, онъ съ успѣхомъ преодолеваетъ всѣ препятствія, лежавшія на его пути. Задачу, подобную взятой на себя г. Поповымъ, могъ выполнить только человекъ съ богатыми философскими и богословскими знаніями. Обладая философскимъ умомъ, г. Поповъ быстро схватываетъ „суть“ изучаемыхъ имъ воззрѣній того или другого философа—моралиста, легко выдѣляетъ въ нихъ достоинства и недостатки и проч. Сразу становится яснымъ, что онъ—господинъ своего дѣла, что онъ—„мастеръ“, котораго послѣднее „боится“. Будучи богословомъ, г. Поповъ въ каждомъ необходимомъ случаѣ успѣшно пускаетъ въ ходъ и свои богословскіе снаряды. Это тѣмъ болѣе для него легко, что онъ, какъ то можно усмотрѣть изъ его книги, прекрасно знакомъ, прежде всего, со Священнымъ Писаніемъ. Изъ послѣдняго имъ извлечено все, что такъ или иначе могло-бы ему пригодиться. Прекрасно знакомый со Словомъ Божиимъ, г. Поповъ (преподающій въ моск. ак. патристику) не въ меньшей (если не въ болѣе) степени свѣдуещъ и въ области святоотеческой письменности, которою онъ пользуется въ весьма значительнымъ размѣрахъ и, разумѣется, съ полнымъ успѣхомъ. Въ необходимыхъ случаяхъ авторъ съ успѣхомъ обнаруживаетъ и свои филологическія дарованія и проч. Знаніе новыхъ языковъ позволяетъ ему безъ труда пользоваться иностранными произведеніями, какъ-либо касающимися рѣшаемаго имъ вопроса. Отсюда имъ не оставленъ безъ вниманія ни одинъ сколько-нибудь выдающійся въ какомъ-либо отношеніи взглядъ, кѣмъ-либо высказываемый и имѣющій ту или иную связь съ его задачей. Пользуясь, при рѣшеніи послѣдней, извѣстными пособіями, авторъ, однако, безусловно далекъ отъ сколько-нибудь рабскаго къ нимъ отношенія. Напротивъ, всюду на первомъ мѣстѣ выступаетъ его стремленіе къ самостоятельному обсужденію данныхъ частныхъ дѣла. Весьма располагаютъ читателя въ пользу автора также: его умѣнье всюду избѣгать многословія, писать кратко и, однако, достаточно содержательно, его всюду ясная, чуждая всякихъ недомолвокъ, всякой темноты и неопредѣленности рѣчь... Не смотря на то, что данная книга—ученая диссертация, она совсѣмъ чужда какой-либо сухости—этого обычнаго свойства такого рода сочиненій, отталкивающаго отъ послѣднихъ значительную часть читающей публики, не рѣдко приходящей въ страхъ при одномъ взглядѣ на нихъ. Диссертация г. Попова—вся отъ начала до конца—проникнута жизненностью, бьющею „ключемъ“ почти на каждой ея страницѣ и „вовсе“ не покидающею ни одной изъ послѣднихъ. Эта диссертация—отраднсе явленіе въ нашей богословско-философской литературѣ.

Искренно желаемъ, чтобъ охотниковъ ознакомиться съ нею было „множество,“ чтобъ она встрѣтила горячее себѣ сочувствіе и быстро распространилась среди читающей публики. Авторъ же, надѣмся, и впредь не перестанетъ трудиться въ столь удачно избранномъ имъ направленіи.

А. Бронзовъ.

Древнеизраильское преданіе при свѣтѣ надписей. Возраженіе противъ доводовъ новѣйшей критики Пяттокнижія. Д-ра *Фр. Гоммеля*, профессора семитическихъ языковъ въ мюнхенскомъ университетѣ. Нѣмецкое изданіе. Мюнхенъ 1897¹).

Мы уже не разъ отмѣчали, съ какимъ успѣхомъ новѣйшая историческая наука подвизается въ изслѣдованіи вопросовъ изъ области библейско-историческаго знанія. Новѣйшія открытія въ области особенно клинообразныхъ и іероглифическихъ надписей представили такъ много матеріала, имѣющаго прямое отношеніе къ библейской исторіи, что ни одинъ серьезный историкъ древности не могъ оставить безъ вниманія библейскихъ вопросовъ, и потому мы видимъ, какъ первоклассные ученые историки древняго міра, въ прежнее время смотрѣвшіе на библейскую исторію какъ на входящую въ область ихъ изученія и изслѣдованія, теперь съ живѣйшимъ интересомъ занимаются библейско-историческими вопросами, и своими изслѣдованіями ихъ оказываютъ громадную услугу богословамъ-библеистамъ. Таковы труды Рамсея, Ролинсона, Сэйса, Гоммеля и многихъ другихъ свѣтили исторической науки. Явленіе въ высшей степени отрадное, такъ какъ эти независимые историки, вопреки ожиданіямъ приверженцевъ критической школы, оказываются вовсе не на ихъ сторонѣ, а на сторонѣ положительнаго библейско-историческаго знанія. Отрицательный критицизмъ въ послѣднее время терпѣлъ уже много самыхъ неожиданныхъ ударовъ отъ свѣтилъ исторической науки по самымъ важнымъ пунктамъ библейскаго знанія, но кажется самый сильный ударъ ему нанесенъ мюнхенскимъ профессоромъ Гоммелемъ, авторомъ многихъ учено-историческихъ изслѣдованій, пользующихся высокимъ значеніемъ въ ученomъ мірѣ (напр. по вопросу о происхожденіи египетской культуры въ зависимости отъ древне-халдейской и пр.). Въ своемъ новомъ, только что вышедшемъ почти одновременно на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ изслѣдованіи, заглавіе котораго обозначено выше, Гоммель чисто ученымъ историко-критическимъ методомъ разработалъ во-

¹ Die altisraelitische Ueberlieferung in inschriftlicher Beleuchtung. Von Dr. *Fritz Hommel*. München 1897 стр. 356.